

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО ПАТРИАРХА ФОТИЯ КИЕВСКОМУ КАГАНУ АСКОЛЬДУ И МИТРОПОЛИТУ МИХАИЛУ СИРИНУ

Одну из неразгаданных до сих пор загадок в источниковедении Киевской Руси составляет серия сообщений, в которых имя киевского князя Владимира Святого сюжетно сопряжено с именами патриарха Фотия и рукоположенного им на Русь митрополита Михаила Сирина. Вопиющий анахронизм этих сообщений (Фотий умер в 886 г., за столетие до Владимирова крещения), естественно, привлекал внимание исследователей, но до сих пор не получил удовлетворительного объяснения. Имеются три категории источников, содержащих подобные данные, а именно:

1. Церковный устав Владимира, в первой статье которого читаем: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Се аз, князь великий Василии, нарицаемый Владимир, сын Святославль, внук Игорев и блаженный Ольгы, восприях святое крещение от гречьских царей Константина и Василья и Фотия патриарха и взях первого митрополита Михаила на Киев и на всю Русь, иже крести всю землю Рускую»¹.

2. Летописные сообщения на тот же сюжет с разной степенью подробности и разной информативной наполненностью. Наиболее значительными являются отрывки из Никоновской летописи. Первый из них помещен под 988 г. и сообщает о назначении Михаила на Русь. Здесь же дается развернутая психологическая характеристика новопоставленного иерарха². Под 989 г. рассказывается о приходе Михаила Сирина в Киев и о крещении им сыновей Владимира³. Под 990 г. — о крещении Михаилом и приданными ему епископами, Добрыней и Анастасом Корсунянином, Новгорода, о сокрушении идолов, обращении «многих людей», строительстве церквей и поставлении пресвитеров «по городам и селам»⁴. Под 991 г. содержится сообщение о крещении Михаилом и четырьмя Фотиевыми епископами (двое оставались в Киеве) Ростовской земли, а также об успехах новой веры на Руси⁵. Наконец, под 992 г. помещено известие о кончине Михаила Сирина и о скорби Владимира по этому поводу⁶.

Краткие упоминания о присылке Фотием на Русь митрополита Михаила (по другой версии — Леона) и о крещении Новгорода и Суздальской земли содержатся также в ряде других поздних летописных сводов — в Новгородской четвертой летописи⁷, в сокращенном своде 1495 г.⁸, в Московском своде 1497 г.⁹, в Уваровской летописи¹⁰, во Владимирском летописце¹¹, в Новгородской второй (архивской) летописи¹², в Мазуринском летописце¹³, Тверской летописи¹⁴ и т. д.

¹ Памятники русского права. М., 1952, вып. 1, с. 237.

² Никоновская летопись. — ПСРЛ. СПб., 1862, т. IX, с. 57.

³ Там же, с. 63.

⁴ Там же, с. 63—64.

⁵ Там же, с. 64.

⁶ Там же.

⁷ ПВЛ, ч. 2, с. 344.

⁸ Сокращенный летописный свод 1495 г. — ПСРЛ. М.; Л., 1962, с. 27, с. 314.

⁹ Летописный свод 1497 г. — ПСРЛ. М.; Л., 1963, т. 28, с. 18.

¹⁰ Уваровская летопись. — Там же, с. 172.

¹¹ Владимирский летописец. — ПСРЛ. М., 1965, т. 30, с. 37.

¹² Новгородская вторая (архивская) летопись. — Там же, с. 169.

¹³ Мазуринский летописец. — ПСРЛ. М., 1968, т. 31, с. 44, 47.

¹⁴ Тверская летопись. — ПСРЛ. СПб., 1863, т. XV, с. 37.

3. Сообщение В. Н. Татищева о письме Фотия Владимиру и митрополиту Михаилу, сюжетно связанное с известиями об обмене послами между Киевом и Римом, имевшем место на третий год после крещения. О приходе папских послов в Киев «съ любовію и съ честію» рассказывается и в Никоновской летописи¹⁵, но данные Татищева более подробны. Здесь читаем: «Того же лета (991. — М. Б.) приходили послы от папы римского и принял их Владимир с любовію и с честію и послал к папе своего посла. Уведев же о сем патриарх Царяграда писал ко Владимиру и митрополиту Михаилу, еже не добро с папою соглашаться, глаголя, что вера римская не добра, понеже они зло исповедуют о Духе святом, якобы от Отца и Сына произходит, разделяя святую Троицу; субботу постят, хлеб пресный, а не кислый освящают; папу без греха быть верят, что Христос, апостоли и святіи отцы не учинили, и невозможно папу и никого безгрешных поставлять или именовать, зане многие папы были ариане, несториане и другие еретики, за что соборами прокляти; жена же Анна была папою, идучи со кресты в крещение, родила на улице и умерла; для того они праздник Богоявления и крестное хождение отставили, назвав день той трех королей. Сего ради не приобскайтесь зловерію и учению их, а взирая на их весьма коварные лъщения и обманы, весьма и от переписки с ними уклониться должно¹⁶».

Не останавливаясь специально на вопросе о достоверности так называемых «татищевских сведений», т. е. данных, содержащихся в «Истории Российской», но отсутствующих в источниках, имеющих в нашем распоряжении. Отметим лишь, что скептицизм, господствовавший в историографии до недавнего времени, ныне, благодаря исследованиям последних десятилетий¹⁷, может считаться преодоленным. Честность В. Н. Татищева как ученого не подлежит сомнению; все данные, извлеченные им из древних документов, ныне утраченных, безусловно, там содержались. Другое дело, что сами эти документы требуют к себе критического отношения, — как и любые другие дошедшие до нас источники.

Цитированный текст содержался в неизвестном Новгородском своде («Хрущевская летопись»), выписки из которого были представлены В. Н. Татищеву А. Ф. Хрущевым¹⁸. Из этих выписок извлечен целый ряд сведений, источниковедческая выверка которых дает основания считать их достаточно доброкачественным документом. Кроме того, краткое упоминание о письме Фотия содержалось в так называемом Раскольниковом своде¹⁹, высокая источниковедческая ценность которого совсем недавно и вполне убедительно подтверждена Б. А. Рыбаковым²⁰.

Сам В. Н. Татищев считал письмо Фотия достоверным документом²¹. Он не мог не обратить внимание на явный анахронизм сообщения и искал ему рациональное объяснение. «В имени патриарха, — писал он, — ошибенось, ибо Фотий задолго прежде умер... а в сие время был Сергей, сродник Фотиев. Бароний: „В 994 в Константинополи по Симоне возведен Сергей, от крове Фотиевой, иже 20 лет церковь правя, много вреда церкви

¹⁵ Никоновская летопись, с. 64.

¹⁶ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1963, т. II, с. 64.

¹⁷ Тихомиров М. Н. Труды В. Н. Татищева. — В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1956, т. 1; Он же. О русских источниках «Истории Российской». — В кн.: Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962, т. I; Рыбаков Б. А. В. Н. Татищев и летописи XII в. — История СССР, 1971, № 1; Он же. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 184—276; Кузьмин А. Г. Об источниковедческой основе «Истории Российской» В. Н. Татищева. — Вопросы истории, 1963, № 9; Он же. Начальные вопросы древнерусского летописания. М., 1977, с. 126—131; Кучкин В. А. К спорам о В. Н. Татищеве. — В кн.: Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. Следует отметить, однако, и своеобразные реплики скептицизма: Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. Л., 1961. Ч. 1; Добрушин Е. М., Лурье Я. С. Историк-писатель или издатель источников? — Русская литература, 1970, № 2.

¹⁸ Татищев В. Н. История..., т. II, с. 235.

¹⁹ Там же.

²⁰ Рыбаков Б. А. Русские летописцы..., с. 267—276.

²¹ Татищев В. Н. История..., т. II, с. 234—235.

римской нанес, изведе жестокия писания“. Показуя также, что и Фотий писал. По сему, видно, Фотием его по фамилии имяновал, следственно, письмо следующее несумненно»²².

Таким образом, имя Фотий было отнесено историком не к знаменитому борцу против «латинской прелести», жившему в IX в., а к патриарху Сергию, современнику Владимира Святого. Конечно, это объяснение «по фамилии», вполне простительное для автора первой половины XVIII в., в наше время может быть оценено лишь в качестве историографического курьеза.

Само собой разумеется, вопрос о достоверности комментируемого письма должен рассматриваться в системе, т. е. в соотношении с названными выше документами, соединившими имена Владимира, Фотия и Михаила Сирина. Все они так или иначе послужили объектом источниковедческого анализа, хотя результаты последнего ни в малейшей степени не могут считаться удовлетворительными.

Устав Владимира, дошедший до нас в позднейших редакциях, тщательно исследован С. В. Юшковым²³, чья концепция принята современной историографией. Согласно ей, первоначальный документ, написанный сразу же после акта 988 г., состоял из одной статьи, реконструируемой в следующем виде: «Се аз, князь Володимир, сгадал есмь с своею княгинею Анною и с своими детьми, оже сих судов не подобно судити князю, не бояром, ни судиями их, и дах те суды церквам, всем епископом по Руськой земли. А по семь не вступати ни детям моим, ни внучатам, ни всему роду моему довека в люди церковныя, ни в суды их; дал есмь по всем градам, и по погостам, и по слободам, где христиане суть»²⁴. Это постановление было вложено в рукопись Номоканона или даже написано на титульном листе той рукописи — как уставная грамота, утвердившая на Руси византийское церковное право и размежевавшая прерогативы княжеского и церковного суда.

Имена Фотия и Михаила содержатся как раз в статье, послужившей основой для реконструкции. Естественно, они не могли быть вставлены в текст книжниками Владимира, которые хорошо знали, что в 988 г. константинопольскую кафедру занимал Николай Хрисоверг. С. В. Юшков попросту опустил оба имени из реконструируемого текста, не предложив убедительного обоснования для данного изъятия. Но уход от проблемы — отнюдь не лучший способ ее решения.

Летописные отрывки, в свою очередь, скандализировали исследователей и точно так же не находили объяснения. Д. С. Лихачев, например, в своих комментариях к «Повести временных лет», приводя выписки из Никоновской летописи, констатировал: «Исторические основания всех этих сообщений не известны»²⁵. Исследователь Никоновской летописи Б. М. Клосс уклонился от рассмотрения данных известий, сославшись на то, что «проблема уникальных известий Никоновской летописи выходит за рамки настоящей книги и заслуживает самостоятельного изучения»²⁶.

По сути, единственная попытка как-то объяснить фантастическое источниковедческое явление принадлежит Е. Голубинскому и его немногочисленным последователям. Согласно этому мнению, в комментируемых отрывках отразилось воспоминание о первом крещении Руси в 860 г., основанное на окружном послании Фотия²⁷. Конечно, это самая простая мысль, которая прежде всего приходит в голову и бесспорность

²² Там же.

²³ Юшков С. В. Исследования по истории русского права. Новоузенск, 1925. Вып. 1. Устав кн. Владимира.

²⁴ Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 202.

²⁵ ПВЛ, ч. 2, с. 346.

²⁶ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980, с. 189.

²⁷ Голубинский Е. История русской церкви. М., 1901, т. 1, с. 279—280; Ср. ПВЛ, ч. 2, с. 339; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 375; и др.

которой представляется вполне очевидной. Но сама по себе она ничего не объясняет — по крайней мере, до тех пор, пока остается нескрытым механизм конъектуры (или инъектуры). Совершенно непонятно, зачем понадобилось киевским книжникам конца X в. или еще более позднего времени искусственно вводить имена Фотия и рукоположенного им митрополита в тексты, не имеющие к ним никакого отношения.

Главная ошибка прежних исследователей заключалась в том, что они относили протографы всех интересующих нас текстов к X в. (или даже к еще более позднему времени) и пытались выяснить, каким образом имена Фотия и Михаила могли попасть в документы, посвященные Владимиру Святому. В действительности же проблема должна быть повернута на 180° и свестись к вопросу: каким образом имя Владимира очутилось в текстах IX в., посвященных Фотию и Михаилу. Это коренным образом меняет дело и легко снимает все трудности.

Препятствием для правильной постановки проблемы было господствовавшее до недавнего времени (а отчасти и ныне пропагандируемое²⁸) представление, согласно которому письменность (во всяком случае, книжная) появилась на Руси из Болгарии лишь в конце X в. — после (и в результате) религиозного акта 988 г., и следовательно, никакой более древней историографической традиции здесь не могло быть. Это прискорбное заблуждение развеяно в результате исследований последних десятилетий, вскрывших очень глубокие, причем вполне самостоятельные, корни древнерусской грамотности²⁹. Наиболее выдающимся достижением в данной области, бесспорно, является открытие «Летописи Аскольда» Б. А. Рыбаковым в 1963 г. — первого летописного произведения, начатого около 865—866 гг.³⁰ Попытки оспорить это открытие имеют весьма жалкий характер и не заслуживают внимания³¹. Напротив того, опыт реконструкции данного компендия дал чрезвычайно интересные результаты, информационные потенции которых в настоящее время трудно оценить в полной мере.

В частности, выяснился факт использования фрагментов «Летописи Аскольда» последующими летописцами в эпизодах, посвященных более позднему времени, — с переадресовкой и передатировкой содержащихся в них сведений. При этом книжники XI—XII вв. (в частности, составитель так называемого Древнейшего свода 1037 г. и автор третьей редакции «Повести временных лет») не гнушались прямой фальсификацией и подтасовкой фактов. Частично об этом нам уже приходилось писать в связи с оценкой первых договоров Руси с греками, заключенных Аскольдом в 860 и 874 гг., но летописцами Ярослава Мудрого отнесенных к началу X в. и искусственно связанных с именем Олега, захватившего киевский престол в 882 г.³²

Подобная откровенная фальсификация имела место и в отношении первого крещения Руси в 860 г.: обширные фрагменты «Летописи Аскольда»,

²⁸ Толстой Н. И. Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян. — В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982; Флоря Б. Н. Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X—XII вв.). — Там же, с. 108—109.

²⁹ Эпштейн Е. М. К вопросу о времени происхождения русской письменности. — Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. Л., 1948, вып. 15; Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952; Он же. Письменность росс. Cyrillo-Methodiana: Zur Frühgeschichte des Christentums bei den Slawen. Köln; Graz, 1964; Петров В. П. Слов'янська писемність за археологічними пам'ятками. — В кн.: Питання походження і розвитку слов'янської писемності. К., 1963; Висоцький С. О. Стародавня слов'янська азбука в Софії Київській. — Вісник АН УРСР, 1970, № 6; Он же. Деякі риси давньоруської писемності IX—X ст. за археологічними пам'ятками. — Мовознавство, 1971, № 3; Он же. Средневековые надписи Софии Киевской. К., 1976, с. 12—23, 225—240.

³⁰ Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 159—173.

³¹ Черепнин Л. В. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х годах XX в. — История СССР, 1972, № 4; Клоос Б. М. Никоновский свод, с. 16, 186—187.

³² Брайчевский М. Ю. О первых договорах Руси с греками. — Советский ежегодник международного права за 1979 г. М., 1980.

посвященные данному событию, были использованы при описании акта 988 г. и переадресованы Владимиру. Сделано это было вполне сознательно и целенаправленно — в связи с экклезиастическими планами Ярослава Мудрого, центральным ядром которых была канонизация Владимира как просветителя Руси. Созданная в связи с этим «Владимирова легенда», имевшая целью приписать всю часть христианизации страны «равноапостольному» кандидату в святые, представляла собой многолинейную и многоаспектную идеологическую диверсию, рассчитанную на далеко идущие последствия.

Естественно, любые воспоминания о подлинном крещении Руси в середине IX в., при Аскольде, были несовместимы с «Владимировой легендой» и тщательно изымались из древних текстов, — независимо от их характера и содержания. Так Церковный устав Аскольда превратился в Устав Владимира, а детальный летописный рассказ о крещении 860 г. подвергся коренной переработке и был соотнесен с религиозным актом 988 г. Но, заменяя последовательно имя Аскольда на имя Владимира, книжники XI в. не потрудились «исправить» имя патриарха, осуществившего крещение Руси и создавшего древнерусскую церковную организацию. Точно так же нетронутым оказалось и имя первого киевского митрополита, породивши невероятную путаницу в историографии — как древней, так и новейшей³³.

Все это в полной степени касается и письма, послужившего темой настоящей статьи. Это письмо действительно было написано Фотием, но не в 991, а в 863 г., и адресовано не Владимиру Святому, а Аскольду. Признание этого решительно снимает все источниковедческие трудности и сомнения.

Действительно, письмо такого содержания в конце X в. не могло появиться. В это время полемика между Римом и Константинополем была свернута и по существу не велась. Тогда существовала единая Вселенская церковь, структурно разделенная на ряд диоцезов, причем Римская курия переживала едва ли не самый тяжелый и самый позорный период своей истории, вошедший в историю христианства как период «порчи церкви»³⁴. Никакой опасности «латинская прелесть» в то время не представляла, и неудивительно, что православный Константинополь вполне спокойно смотрел и на обмен дипломатическими миссиями между Киевом и Римом³⁵, и на почтительный прием Владимиром миссии епископа Бруно в 1006 г.³⁶, так скандализирующий представителей «истинно православной» историографии, и на брак Святополка Ярополковича с польской принцессой³⁷, и на деятельность в Киеве ее духовника, колобжегского епископа Рейнберна³⁸, и т. д.

Напротив, в 863 г. появление католических легатов в Киеве не могло не вызывать острой реакции Константинопольской кафедры, ибо это было время острейшего конфликта между Римом и Царьградом, едва не приведшего к окончательному расколу. Лишь устранение с патриаршего престола непримиримого Фотия после дворцового переворота 867 г. и возвращение на кафедру умеренного Игнатия, сторонника компромисса с Римом, задержало этот процесс и позволило стабилизировать обстановку в пределах христианской ойкумены. Особое место в конфликте 60-х годов IX столетия, как известно, занимали болгарские события — жестокая борьба за судьбы болгарской церкви (а тем самым и всей страны в целом). Ес-

³³ Часть летописей называют первым русским митрополитом Михаила, часть — Леона. См.: Голубинский Е. История русской церкви, с. 276—282; Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль древней Руси. М., 1960, с. 91; и др.

³⁴ Лозинский С. Г. История папства. М., 1934, т. 1, с. 32—47; Он же. История папства. М., 1961, с. 107—114.

³⁵ Никоновская летопись, с. 39, 42, 57, 64, 68 и др. См.: Рамм Б. Я. Папство и Русь в X—XV вв. М.; Л., 1959, с. 33—45.

³⁶ Гильфердинг А. Ф. Неизвестное свидетельство современника о Владимире Святом и Болеславе Храбром. — Русская беседа. 1856, кн. 1.

³⁷ Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957, с. 81—82.

³⁸ Там же, с. 82—84; Рамм Б. Я. Папство и Русь, с. 47.

тественно, «болгарская модель» неизбежно стояла перед глазами Фотия и его приверженцев; повторение подобной коллизии на Руси представлялось весьма вероятной и крайне неприятной перспективой.

В этой связи чрезвычайный интерес представляет содержание письма, в котором отражена идеологическая суть наметившихся и обострившихся противоречий. Документ дошел до нас не в подлиннике, а в пересказе, естественно, обеднившем изложение; к тому же нельзя не учитывать возможность ошибок и искажений при переводе текста с греческого на древнерусский. Тем не менее смысл послания проступает вполне ясно, хотя и в весьма упрощенном виде.

Предостерегая киевского кагана от контактов с Римом, Фотий выдвигает ряд обвинений в адрес католической доктрины, которые он, надо думать, считал наиважнейшими. Как известно, полный реестр расхождений и спорных мест не установлен до сих пор. В древности, в период подготовки раскола и его завершения, колебания были довольно существенны. Фотий насчитывал десяток отличий, Михаил Керуларий — вдвое больше, впоследствии число их достигало нескольких сотен. В одном письме константинопольский патриарх, разумеется, не мог коснуться всех проблем и был вынужден ограничиться некоторыми. К сожалению, у нас нет уверенности, что древнерусские летописцы, донесшие до нас сведения об этом исключительно интересном документе, полностью учли его содержание и не выпустили часть обсуждавшихся вопросов.

На первом месте, как и следовало ожидать, стоит пресловутое «*filioque*» — тезис об исхождении Святого духа не только от Отца, но и от Сына, действительно послуживший главным камнем преткновения в конфликте между Западом и Востоком. Этот момент следует особенно подчеркнуть, между прочим, в связи с тем, что в другом антиримском памфлете, помещенном в «Повести временных лет» под 988 г.³⁹ и тоже произвольно адресованном Владимиру, данный сюжет (исхождение Святого Духа только от Отца) отсутствует, а в поданном тут же Символе веры фигурирует «полуарианская» формула «подобосущности» Сына и Отца⁴⁰.

Далее следуют два чисто догматических момента — о посте в субботу и об опресноках (тема, весьма активно дебатировавшаяся в последующей православной литературе). Эти сюжеты не получили в письме развернутого комментария.

Центральное же место в документе занимает догмат о непогрешимости папы, вызвавший едва ли не наиболее острые дебаты во Вселенской церкви. Эта проблема вышла далеко за рамки сугубо богословской тематики. Как известно, данный догмат был официально утвержден лишь в XIX в. (на Ватиканском соборе 1870 г.), но активно пропагандировался едва ли не от самого возникновения кафедры св. Петра. Мысль о папе как наместнике бога на Земле упорно проводилась западной курией в качестве не просто идеологической, но и политической доктрины.

Решительный толчок к утверждению этого тезиса был дан иконоборческим движением в VIII — начале IX в. Церковная борьба в Византии весьма подорвала авторитет Восточной церкви. Ничем не прикрытый диктат императорской власти, раболепно принятый Константинопольской кафедрой, послужил убедительным контрастом для претензий Ватикана по части главенства над светской государственной властью. В этом отношении Фотий получил очень трудное наследие.

Письмо патриарха содержит довольно убедительную аргументацию против догмата о непогрешимости папы — ссылку на исторический опыт, воочию демонстрирующий идейную уязвимость папского сана. Само количество антипап (т. е. пап, не признанных официальной католической церковью) говорит само за себя. До вступления на кафедру Николая I, названного Великим (858—867), при котором началась открытая полемика между Востоком и Западом, их насчитывается целая дюжина⁴¹. Среди

³⁹ ПВЛ, ч. 1, с. 79—80.

⁴⁰ Там же, с. 77—78.

⁴¹ Лозинский С. Г. История папства, 1961, с. 552—556.

римских первосвященников действительно было немало еретиков, как, например, ариане Феликс II, Либерий, монофиситы Вигилий, Пелагий I, монофелит Гонорий и т. д. В этом отношении комментируемое письмо выглядит вполне основательным.

Особый источниковедческий интерес представляет упоминание о папессе Иоанне (Анне), на котором следует остановиться несколько подробнее.

Католическая пропаганда немало потрудились, чтобы дезавуировать эту скандальную страницу в истории Ватикана — так же, как и сопряженную с ней легенду о Петре Гугнивом. В результате в литературе утвердилось мнение, что оба эти предания были созданы в довольно позднее время реформатской пропагандой с целью дискредитации римского престола ⁴². Конечно, в общеисторическом плане такое представление слишком упрощает ситуацию и решительно противоречит фактам. Так, скептическая точка зрения своим утверждением более всего обязана кальвинисту Блонделю (жившему в XVII в.). С другой стороны, официальная католическая доктрина в течение длительного времени признавала достоверность сведений о папессе. Известно, в частности, что ссылка Яна Гуса на этот эпизод перед участниками Констанцского собора 1415 г. (имевшего в своем составе 22 кардинала, 49 епископов и 272 богословов) не вызвала возражений или полемики ⁴³. Но главное, данной концепции сопротивляется хронология.

В нашем случае упоминание папессы Иоанны могло бы насторожить и вызвать серьезные подозрения относительно достоверности, по крайней мере, этого отрывка. Дело в том, что на Украине и в Белоруссии, оказавшихся в XIV—XV вв. под властью католических держав — Польши и Литвы, — легенды о папессе и Петре Гугнивом получили широкое распространение в период обострившейся полемики между православием и «латинской ересью», спровоцированной подготовкой церковной унии. В XVI в. оба эти предания многократно использовались украинскими и белорусскими полемистами для дискредитации папского престола ⁴⁴. Поэтому сама собою напрашивалась бы мысль, что если не все письмо, то, по крайней мере, данный отрывок попал в компендиум В. Н. Татищева из какой-нибудь хроники XVI в., имевшей южнорусское или западнорусское происхождение.

Именно такой хроникой была пресловутая Иоакимовская летопись ⁴⁵, широко использованная автором «Истории Российской» и вызвавшая столь жаркие споры в историографии. Распространенное в литературе мнение о ней, как о фальсификате XVIII в. ⁴⁶, в настоящее время оставлено. Это была компиляция XVI или XVII в. типа произведений М. Кромера, М. Стрыйковского и т. п. Однако сведения о письме Фотия заимствованы В. Н. Татищевым не из Иоакимовской летописи, а из не дошедшего до нас Новгородского свода («Хрущевской летописи») и из Раскольничьего свода, т. е. из произведений, имевших гораздо более древнее происхождение и в большей степени достоверных.

Можно было бы, правда, допустить, что упоминание о папессе Иоанне представляет собой вставку в летописный рассказ, спровоцированный

⁴² Döllinger J. Die Papstfabeln des Mittelalters. München, 1863; Бильбасов В. Паписса Иоанна. — Труды Киевской духовной академии, 1871, № 1; Лозинский С. Г. О женщине-папе. — Безбожник, 1931, № 19; Мазновець Л. Сатира і гумор української прози XVI—XVII ст. К., 1964, с. 17 и след.

⁴³ Лозинский С. Г. История папства, 1934, с. 148.

⁴⁴ Возняк М. Український протипапський памфлет XVI в. «Історія о єдином папѣ римском». — Зап. НТШ, 1914, т. СХVII—СХVIII; Он же. Кілька заміток до послання Лацка з 1534 р. й відповіді на нього афонського прота Гаврила. — Зап. НТШ, 1919, т. СХХVIII; Грушевський М. С. Історія української літератури. К., 1927, т. V, с. 250—251; Мазновець Л. Сатира і гумор ..., с. 14—24.

⁴⁵ Шамбинаго С. К. Иоакимовская летопись. — Ист. зап., 1947, № 21; Тихомиров М. Н. О русских источниках..., с. 50—52.

⁴⁶ Эта точка зрения еще пропагандировалась в середине 40-х годов. См., например: Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л., 1945, с. 295.

каким-либо источником XVI—XVII вв., но такое предположение противоречило бы творческой манере В. Н. Татищева в обращении с используемыми аутентичными текстами. Автор «Истории Российской» имел строгую привычку фиксировать источник сообщаемых им сведений и вряд ли стал бы приписывать «Хрущевской летописи» то, что содержалось в другом памятнике.

Между тем в нашем распоряжении имеются вполне реальные основания полагать, что оба предания (и о Петре Гугнивом и о папессе Иоанне) были известны в Киевской Руси и что мнение о их позднем происхождении является попросту неверным. Во всяком случае упоминание Петра Гугнивого содержится в «Повести временных лет» под 988 г.⁴⁷ Не касаясь сложнейшего вопроса о том, откуда данный сюжет заимствован Нестором (по нашему убеждению, источником и здесь послужила «Летопись Аскольда»), однако должны признать, что дата этого упоминания, во всяком случае, не выходит за рубеж XI и XII вв. и, следовательно, антипапская пропаганда эпохи Реформации тут не при чем. Упоминание папессы Иоанны в комментируемом тексте дополняет картину.

Следует подчеркнуть, что оба сюжета реально связаны с периодом, непосредственно предшествующим понтификату Фотия. Деятельность Петра Гугнивого, согласно преданию, приходится на время после VII Вселенского собора, состоявшегося в 787 г. (этот собор упомянут и в «Повести временных лет»⁴⁸). Мнение о том, что герой предания был папой, т. е. официально занимал «восхищенный» им римский престол, отнюдь не является обязательным; скорее можно предполагать оппозиционную деятельность, направленную против папы Льва III, холуйски признавшего верховную власть императора Карла и осудившего «filioque». Во всяком случае, речь идет о конце VIII и начале IX в. Папесса Иоанна занимала папский престол в течение двух лет и пяти месяцев после папы Льва IV, т. е. с июля 855 по январь 857 г. (согласно легенде она разрешилась от бремени на крещение, т. е. 6 января). Родом она была из Майнца или, по другим сведениям, из Ингельгейма; ее отец был английским миссионером. Некоторое время она подвизалась на Афоне, потом была нотариусом в Риме, стала кардиналом и, наконец, папой. С ее разоблачением связан обычай *sella stercoraria* (проверка пола очередного претендента на папский престол), практиковавшийся до XVI в.

Фотий был поставлен патриархом в 858 г. (родился около 820 г.), т. е. на следующий год после смерти папессы, и полустолетием позже папы Льва III, в правление которого развернул свою активную деятельность Петр Гугнивый; для него, следовательно, оба скандальных эпизода римской истории были современными (или почти современными) событиями. Это обстоятельство нельзя игнорировать. Как убеждает историографический опыт, в основе подобных преданий — идет ли речь о гомеровской Трое или о летописном Кие — всегда лежат воспоминания о достоверных исторических событиях. Поэтому и в нашем случае не видим оснований подозревать источниковедческий подлог либо сознательную интерполяцию текста.

Сообщение В. Н. Татищева о письме Фотия киевскому кагану Аскольду и митрополиту Михаилу Сирину выдерживает критическую выверку — так же, как и его содержание. Оно отлично накладывается на тогдашнюю обстановку и предстает перед нами в качестве вполне закономерного акта. Оно вносит существенные дополнения в наши знания о византийско-русских отношениях в середине IX в., рисуя их в новом свете.

По-видимому, сведения о Фотиевом письме с кратким пересказом его содержания были включены в текст «Летописи Аскольда». Вместе с рядом других фрагментов, посвященных первому крещению Руси 860 г., они были использованы книжниками Ярослава Мудрого при создании «Владимировой легенды», но в дальнейшем исключены из летописной традиции.

⁴⁷ ПВЛ, ч. 1, с. 80.

⁴⁸ Там же, с. 79—80.